

Б.З. ДОКТОРОВ,
ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (США)

ЮРИЙ ЛЕВАДА. ПОРТРЕТ ДЛЯ ПОТОМКОВ (в связи с выходом книги воспоминаний о Ю.А. Леваде)

В этом году Юрию Александровичу Леваде (1930–2006) исполнилось бы 80 лет. В последние годы появилась достаточно обширная литература о его жизни и творчестве как мемуарного, так и аналитического характера.

Серией материалов, собранных в двух первых номерах «Социологического журнала» за 2008 г., положено начало созданию объемного портрета Левады. В первом номере было опубликовано интервью, которое он дал Д.Н. Шалину в начале февраля 1990 г. в Бостоне, и комментарий этой беседы самого Шалина. Во втором подборка текстов о Леваде открывается историко-аналитической статьей Б.З. Доктора и включает воспоминания А.Н. Алексеева, И.С. Кона, А.Г. Левинсона, А.К. Назимовой и В.Л. Шейниса, Б.М. Фирсова, В.А. Ядова. Примерно в то же время вышли мемуары Т.И. Заславской и И.С. Кона, в которых есть страницы, отведенные воспоминаниям о Леваде.

Весьма интересны и содержательны интервью, проведенные накануне 80-летия Левады московским социологом и журналистом Л. Борусяк. Это серия бесед, записанных на видео и размещенных на популярном сетевом портале «Полит.Ру» в цикле «Взрослые люди»¹. О Леваде рассказали: О.И. Генисаретский, А.Б. Гофман, Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин, В.М. Долгий-Раппопорт, Н. Зоркая, И.С. Кон, А.Г. Левинсон, Теодор Шанин, Б.Г. Юдин и В.А. Ядов.

В мае этого года вышла книга воспоминаний² о Леваде, составленная и изданная его вдовой, Тамарой Васильевной Левадой. Этим обстоятельством во многом определено присутствие в сборнике материалов из архива Левады, широкий подбор авторов текстов и наличие в нем редких фотографий Юрия Александровича. Ряд из перечисленных выше материалов вошли в эту книгу полностью или в сокращенном варианте. Но, естественно, есть много нового. Книге суждено стать библиографической редкостью. Очевидно, что ее захотят прочесть не только многие социологи, полстеры и журналисты, но и представители разных групп интеллигенции, на

протяжении двух десятилетий следившие за результатами опросов сначала «старого ВЦИОМа», а затем – «Левада-Центра». Но ее тираж всего 150 экземпляров, который практически уже разошелся между друзьями Левады, его коллегами и соавторами книги.

Два фактора объясняют появление столь обширной и многожанровой литературы о нем через два года после его смерти. Первый – объективный. Пришло время для изучения прошлого советской/российской социологии, постепенно приходит осознание критичности времени, невозможности откладывать «на потом» анализ сделанного первыми поколениями отечественной социологии. Второй фактор – субъективный. Личность и творчество Левады заслуживают всестороннего анализа и представляют интерес для историков современной социологии и, более широко, для культуры российского общества второй половины XX в. и начала наступившего столетия. Прокомментирую кратко сказанное.

История как наука – дальнорозка и несуетна, те или иные события и процессы становятся ей интересны, только когда их можно расположить в долгий временный ряд и поместить в широкий событийный контекст. Сказанное имеет универсальное значение, в частности, оно применимо к истории науки и к изучению жизни и творчества тех, кто внес в ее развитие значительный вклад. Но прошлое может быть проанализировано и понято, только если общество уважает и ценит настоящее, если сохраняются предметы, относящиеся к быстро уходящему сегодня, если современники не только хранят в памяти виденное и пережитое, но и документируют все это. Легко заметить: когда человек задавлен государством и бытом, когда главная утренняя забота – дожить до вечера, тогда настоящего не существует. Тем более – будущего, а прошлое превращается в несбыточную мечту. Напротив, общество, пребывающее на подъеме, к примеру Россия в период «оттепели» и перестройки, находит в себе силы и кураж жить се-

годня, думать о будущем и обращаться к своему прошлому.

Российская социология недавно вступила в свое второе пятидесятилетие, срок не столь уж значительный даже в сравнении с продолжительностью жизни человека в современном цивилизованном обществе и совсем «детский» в масштабах развития науки. Однако празднование первого серьезного юбилея российской социологии, состоявшееся в 2008 г., обнаружило множество проблем историко-научного плана; укажу две из них. Во-первых, многое из происшедшего относительно недавно незадокументированно и уже забыто. Во-вторых, интерес к этому прошлому остается невысоким. Причина первой проблемы коренится в специфике становления и развития советской социологии в конце 1950–1980-х гг., в частности, в неопределенности статуса этой науки и неуверенности ученых относительно ее будущего. Вторая проблема порождена сменой парадигм советской и современной российской социологии и появлением новых поколений социологов, не чувствующих, возможно, даже отрицающих свое «родство» с теми, кто начал исследования за несколько десятилетий до их профессионального самоопределения.

Один из эффективных путей приобщения людей к науке, культивации интереса к ее прошлому заключается в ознакомлении их с биографиями и творческим наследием тех, кем эта наука создавалась. Еще десять лет назад этот канал формирования профессионального сознания и цементирования межпоколенных связей в российском социологическом сообществе начисто отсутствовал, сейчас ситуация меняется к лучшему. С одной стороны, постепенно накапливается банк биографий – это интервью с действующими социологами и их небольшие автобиографические заметки, эссе; с другой – появляются мемуары социологов «первого призыва» и воспоминания о тех, кого в последние годы не стало.

Если говорить об источниках первого рода, то это прежде всего книга о российских социологах под редакцией Г.С. Батыгина³, серия публикаций в «Социологическом журнале» и «Журнале социологии и социальной антропологии» – издании Петербургского государственного университета. В последние годы одним из важнейших источников биографий российских социологов стал «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований». Рубрика «Современная история российской социологии» появилась в нем в № 4 за 2004 г., и с тех пор все номера журнала (шесть в году) содержали материалы на эту тему. К этой же группе биографических источников относится и сайт российско-американского проекта «Международная

биографическая инициатива»⁴. На нем расположено большинство биографий, опубликованных в названных журналах, и другая историко-биографическая информация.

Социолого-мемуарная литература появилась лишь в самые последние годы. Отмечу здесь воспоминания Т.И. Заславской, И.С. Кона, С.А. Кугеля, тюменского социолога А.Н. Силина, Н.М. Руткевича, книгу к 80-летию В.А. Ядова, сборник памяти Л.Н. Когана. Возможно, существуют сетевые варианты мемуаров, мне известны лишь воспоминания Э.В. Соколова⁵. Имеет смысл также сказать о работах более общего характера, в которых их авторы-социологи, отводят значительное место автобиографическим сюжетам. Назову книги А.С. Готлиб о качественном социологическом исследовании⁶, Б.М. Фирсова о разномыслии в СССР⁷, В.Э. Шляпентоха о страхе и дружбе в советском обществе⁸.

Именно к этому кругу источников историко-биографической направленности и относится книга воспоминаний о Ю.А. Леваде. Всех авторов материалов, включенных в нее, можно разделить на четыре группы.

В первой группе один человек – Ю.А. Левада. Совсем немного материалов. Два биографических интервью: одно – уже названное, другое – опубликованное в журнале «Прямые инвестиции» (2005, № 6) и содержащее ряд воспоминаний о детстве и студенческих годах. Третий материал – эссе Левады о том, что было написано в его культурологической заметке урбанистического характера («Знание – сила», 1977) и о чем он не смог написать. В те годы Левада был опальным, и лишь вмешательство секретаря ЦК КПСС М.В. Зимянина, как-то узнавшего о проблемах журнала, зашло перед ним «зеленый свет». Завершает сборник статья Левады («Неприкосновенный запас», 2001, № 5), в которой он излагает свое видение общественного мнения на рубеже XX и XXI вв. Вошло в сборник и уже публиковавшееся выступление Левады на объединенном заседании кафедр философии Академии общественных наук при ЦК КПСС и Высшей партийной школы при ЦК КПСС, состоявшемся 24 ноября 1969 г. Это возражения критикам его «Лекций» по социологии.

Вторая группа авторов сборника – это вдова Левады, познакомившаяся с ним в 1947 г. на первом курсе философского факультета МГУ и полвека бывшая его женой, и его сын от первого брака В.Ю. Русinov. По моему мнению, сказанное ими непременно будет учитываться в попытках постижения глубин внутреннего мира Левады. Т.В. Левада вспоминает слова своего отца, сказанные после знакомства с ее

будущим мужем: «Если решишь выйти за него, тебе, скорее всего, придется тужо. Ведь главное – не помешать ему. Не следует ему мешать ни при каких обстоятельствах»⁹. И далее: «Со мной установились у него теплые отношения, чуть насмешливые с его стороны, похожие на те первоначальные, студенческие. Я же все 50 лет старалась не помешать ему и блюсти дом. Это была единственная, доступная мне форма поддержки мужа. Свою работу, круг своих сотрудников он отгородил от меня твердо, раз и навсегда»¹⁰. Сложными были отношения у Левады с сыном. В.Ю. Русинов описывает, с каким интересом он обсуждал с отцом события, происходившие в стране, говорит о его внимании к внукам. Вместе с тем он вспоминает о долгих паузах в их регулярных воскресных телефонных разговорах и объясняет их отсутствием общения с отцом в детстве, т. е. отсутствием общей памяти. На вопросы сына о его работе, о делах «Центра» Левада всегда отвечал односложно, показывая, что это не тема для обсуждения. И грустно завершается рассказ: «Я так и не спросил его о чем-то самом важном, так и не назвал при жизни отцом, теперь этого уже не сделать»¹¹.

Третья группа – школьный друг и несколько человек, учившихся с Левадой на философском факультете МГУ. Все это – ценная информация для понимания процесса формирования личности ученого, его гражданской позиции, отношения к себе и окружающим. Жанр и цели этой заметки освобождают меня от углубленного анализа этого процесса, но некоторые факты из воспоминаний людей, наблюдавших Леваду в детстве, юности, ранней молодости, считаю необходимым привести.

Левада родился и, за исключением нескольких лет, проведенных в эвакуации в Тюмени, до поступления в МГУ жил в Виннице. Его дед, происходивший из семьи выкрестов, был медиком и фармацевтом, высокообразованным человеком, в молодости он состоял в боевом крыле «Народной воли». Известен как один из создателей Винницкого медицинского института в 1935 г. В 1936–1937 гг. его заподозрили в шпионаже в пользу Японии и пришли арестовывать. Но дед был болен раком, и ему дали умереть дома. Похороны прошли тихо, негласно. Бабушка принадлежала к старому польско-литовскому графскому роду Сангелло. В те времена об этом лучше было помалкивать. В семье говорили по-русски, по-украински и по-польски.

Мать Левады была образованной женщиной, журналисткой. Отчимом, усыновившим мальчика, был Александр Степанович Левада, ставший известным украинским писателем. После войны он не вернулся в эту семью. Т.В. Левада вспо-

минает, как она столкнулась с «жесткой, даже чересчур жесткой Юриной бескомпромиссностью». Тогда они только поженились и без предупреждения приехал Александр Степанович. «Юра как сидел за работой спиной к вошедшему, так и не повернулся, не поздоровался. Тот вручил мне презент и поспешил проститься. Юра не шелохнулся. А ведь любил батьку. Искал в магазинах и покупал его сочинения. Переживал, когда тот оказался в зоне Чернобыльской аварии. Но не простил»¹².

Родным отцом Левады был профессор ленинградского Педагогического института им. Покровского (а позже – Педагогического института им. А.И. Герцена) Моисей Александрович Коган, историк-медиевист, одно время – декан исторического факультета. По воспоминаниям И.С. Кона и А.Б. Гофмана он был эрудированным человеком, знавшим много языков и пользовавшимся большим уважением студентов. Ю.А. Левада был очень похож на отца. С отцом Левада общался крайне редко и не рассказывал о нем ни в семье, ни друзьям.

Все приведенное позволяет согласиться со словами Т.В. Левады: «Эта генеалогия, а главное, отношение к ней ближайшего окружения, во многом объясняли Юрин характер, в том числе и жесткую его бескомпромиссность»¹³.

В школе Левада всегда был лучшим учеником, отличником и стал золотым медалистом. Рано вступил в комсомол, ездил с лекциями по деревням, хотя в районе оставались бандеровцы. С друзьями выпустил несколько номеров нелегальной стеноидной газеты «ИКС», ее запретили, но чудом не узнали, кто ее издавал.

На курсе, где с ним училось несколько человек, позже ставших известными учеными, Левада был «звездой»; он был самым младшим по возрасту, большинство студентов прошли войну, были членами партии. До поступления в университет он многое прочел и всегда прекрасно учился, его выступления на семинарах отличались аналитичностью и знанием предмета. Еще в школьные годы он начал сотрудничать в областной газете, где работала его мать. В университете был избран редактором курсовой газеты. Годы его студенчества – 1947–1952 – не лучшие для философии и личностного становления: страх, доноительство, подозрительность, аресты. Левада уже тогда отличался мужеством, разумностью, честностью по отношению к товарищам. Закономерно, что несколько позже его друзья и сотрудники Института конкретных социальных исследований АН СССР, да и не только, называли его между собой «Большая добрая Левада». Ему доверяли. Когда один из его друзей сообщил ему, что в школе выпускал нелегальную газету, Левада серьезно ответил ему, что

об этом никому говорить не надо. Другой вспоминал, что, когда ночью 1949 г. его арестовали, его жену выставили из общежития с чемоданом и узлами. На телефонный звонок откликнулись лишь Левада и его друг. Они приехали, устроили девушку у однокурсницы. Вовсю разгоралась борьба с «безродными космополитами». Обвинили в космополитизме и Леваду, у него в общежитии над кроватью обнаружили портреты двух евреев-философов: Маркса и Спинозы. Туча прошла мимо: первый был изъят из обвинения, а второго оказалось мало для наказания.

Самая многочисленная группа участников сборника – это социологи Москвы и Петербурга, в разное время работавшие с Левадой, посещавшие его семинар или просто общавшиеся с ним. Невозможно даже перечислить, назвать то множество событий из жизни ученого, его поступков, высказываний, которые остались в памяти всех этих людей, самих много в жизни повидавших и размышлявших о прожитом. Приведу лишь ряд обобщенных, оценочных суждений о нем, на мой взгляд, дающих представление о Леваде как ученом, гражданине и личности. Поскольку часто такие высказывания многоаспектны, нет оснований для их строгой классификации. (Все они взяты из книги воспоминаний, составленной Т.В. Левадой.)

Н.И. Лапин: «Юрий Александрович сам создал для себя этот гражданский, научный, нравственный пост “дежурного по России” аналитика и оставался на этом посту до последней минуты жизни. Он не был участником военных сражений и вообще был против войн, но он совершил поистине ратный гражданский подвиг» (с. 86).

А.Б. Гофман: «Своим научным творчеством, своей организационной деятельностью, своей личностью, всей своей жизнью Левада доказал, что и в условиях тоталитарного и авторитарного обществ можно быть выдающимся ученым, честным, порядочным и свободным человеком» (с. 100–101).

Б.М. Фирсов: «Он относился к числу людей, твердо усвоивших на примерах идеологической войны, которую в 1950-е годы вела партия против космополитов и антипатриотов, “засевших” в различных сферах литературы, искусства, культуры, науки, что раскаяние мало кому помогает, не говоря уже о том, что “кающийся грешник” только ухудшает и дело, и собственное положение» (с. 265).

А.Г. Вишневский: «И все же истинный масштаб Левады определяется не тем, что он умел профессионально улавливать рокот народного океана, а тем, как много открывалось ему в этом рокоте...» (с. 126).

Б.З. Докторов: «В Леваде не было мессианства, и он не рассматривал себя в ка-

честве миссионера – и действительно он таковым был. Прежде всего это было следствием его умения видеть происходившее в стране и внятно говорить об этом. К его высказываниям прислушивались политики, политологи и наиболее социально активные группы населения» (с. 275).

И.С. Кон: «Жизнь Юрия Левады – не только интеллектуальный, но и нравственный пример. Ученые нашего поколения не могли активно сопротивляться власти, все находились в руках государства, несогласный мог только уйти, в крайнем случае – хлопнув дверью. У Юрия такой опыт был» (с. 218).

В.Э. Шляпентох: «И его мужество опять оказалось важным для общества, когда ВЦИОМ у него отобрали и многие до того, как была создана новая фирма – «Левада-Центр», стали опять опасаться за его будущее. Но, по-моему, самый яркий период его в жизни Левады относится к тому ужасному времени, в котором он так мужественно выстоял» (с. 139).

А.Н. Алексеев: «Скажу, по крайней мере, о том, что для меня особенно дорого и значимо в Ю.А. Леваде-человеке (про науку сейчас не говорю). А это как раз то, что он и сам <...> вполне про себя знал, – его замечательная способность к естественному поведению в противоестественных условиях» (с. 87).

А.Н. Назимова, В.Л. Шейнис: «Он жил в своей стране и в свое время. Умный и все понимающий человек, он знал общество, в котором жил. Не поддавался иллюзиям, но и не приспосабливался к унижительным обстоятельствам жизни большинства наших академических учреждений. Писал и говорил то, что думал, и никогда не позволял себе утверждать то, во что не верил» (с. 151).

Д.Н. Шалин: «Левада – человек общественный – *par excellence*. Его частная жизнь – вне поля зрения. Что меня удивило в многочисленных сообщениях о смерти Левады, это отсутствие каких-либо сведений о его частной жизни» (с. 305).

Л.Д. Гудков: «После смерти Ю.А. Левада был почти единодушно признан “безусловным моральным авторитетом” и наиболее ярким или даже самым крупным ученым в российской социологии. Однако работы Левады, как и прежде, остаются мало известными» (с. 367).

Т.И. Заславская: «Обладая необыкновенным талантом, Юрий Александрович в труднейших условиях сумел сформировать собственную научную школу, и я рада, что работа во ВЦИОМ дала новый толчок ее развитию» (с. 211).

А.Г. Здравомыслов: «На наш взгляд, наиболее существенный вклад в разработку вопросов социологической теории представляют собой публикации Ю.А. Левады.

Сейчас можно сказать, что его публикации в "Мониторинге" задают стандарт теоретического мышления российским социологам и, возможно, социологам всего постсоветского пространства (по крайней мере в рамках сайентистской артикуляции социологического знания)» (с. 439).

В.А. Ядов: «Я сам трудоголик и умею отдыхать лишь в период отпуска на эстонском хуторе. Юрий вообще не был способен к свободному времяпрепровождению. В субботу и воскресенье в любое время до полуночи (позже я его не беспокоил) он через пару секунд отвечал на телефонный звонок: "Привет, старик, как дела?" Забудьте – не как себя чувствуешь, а как работается» (с. 230).

А.Г. Левинсон: «Он работал всегда... не переставал работать в периоды, когда на него давили... не переставал работать, когда судьба лишила его самых близких... не перестал работать в болезнях. Он не был трудоголиком и не убегал в работу от жизни. Работа была условием жизни. И условием смерти. Все знают, что он встретил кончину за своим рабочим столом, и не один я думаю, что он сам продиктовал смерти эти условия» (с. 183).

Т. Шанин: «Без Юры стало в Москве холодно и хуже» (с. 212).

Составители сборника поступили по-человечески правильно и в научном плане обоснованно, включив в него небольшую статью украинского социолога Е.И. Головахи. Левада родился в Украине, знал и любил украинскую культуру и язык и после перестройки старался участвовать в научной и общественной жизни этой страны. По мнению Головахи, в сознании мыслящей части украинской интеллигенции Левада олицетворял все лучшее, что есть в российской общественной жизни, и для них его смерть стала не меньшей потерей, чем для россиян, сумевших сохранить свободомыслие и независимость от власти. И далее он отмечает: «...всем нам – и в России, и в Украине – крайне необходимо понять удивительный феномен жизни и личности Юрия Левады, с именем которого связаны, возможно, две самые драматические и героические страницы в истории "застойной" советской и современной российской социологии; человеческие качества которого не могли не восхищать людей, способных ценить мужество, благородство и преданность науке, а способность быть лидером и организатором работы научной школы была по-своему уникальной»¹⁴.

Представляется, что все эти суждения не просто характеризуют с разных сторон Леваду, но одновременно формируют каркас, систему координат для будущего изучения его ценностной структуры и его научного наследия. Если же говорить о со-

держании всех текстов, включенных в сборник, то в совокупности они позволяют заглянуть в его предбиографию (генеалогия, родительская семья), ознакомиться с биографией (школа, университет, исследовательская и общественно-политическая деятельность, собственная семья) и заглянуть в постбиографию. Другими словами, задуматься о судьбе его творческого наследия.

Мне приходилось писать ранее о такой редкой стороне научного творчества Левады, как биографичность, т. е. о присутствии в его социолого-культурологических работах последних лет рефлексий по поводу увиденного и пережитого им. Содержание обсуждаемой книги, во всяком случае для меня, усиливает этот вывод, ибо видно, как в Леваде формировались личностные и профессиональные качества и как продуманное укладывалось в его собственную, можно сказать – уникальную, картину мира. В произведениях прозаиков, тем более поэтов и композиторов, биографичность считается нормой, социальным исследователям отказывают в ней, говоря, что биографичность противоречит объективности. Левада как методолог, социолог и культуролог, понимавший природу научного творчества, осознавал, что та степень погруженности в события, которые он наблюдал, автоматически включает в проводимый им анализ прожитое и продуманное. Очевидно, он не писал об этом прямо, но и освободиться от этих впечатлений и размышлений он не мог. И не стремился. Они явно присутствуют в его многочисленных статьях и выступлениях постперестроечного времени. Следовательно, изучение научного наследия Левады позволит лучше понять и его личность.

Можно согласиться с А.Г. Левинсоном: Левада сам продиктовал смерти время прихода, оказывается, с точностью до дня. Книга открывается беглым фломастерным рисунком, который оставил Ю.А. Левада на столе, уходя на работу в свой последний день жизни. Это – ангел. Таким увидела это изображение Тамара Васильевна. Но когда ей позвонили и сказали, что Юрия Александровича больше нет, она – так случилось – развернула лист и увидела этого ангела в ином ракурсе. Он плакал. Этот скорбящий ангел размещен на последней странице книги.

Поясню, почему настоящие заметки озаглавлены «Портрет для потомков». Один пласт аргументов сводится к тому, что рассматриваемый сборник содержит богатейшую фактологическую информацию о Леваде и о среде, в том числе коммуникационной, в которой протекала его жизнь и деятельность. Таким образом, сегодня и в будущем социальные исследо-

ватели могут познакомиться с человеком, внесшим значимый вклад в различные области социальной науки и много сделавшим для раскрытия сути социальной жизни России и сознания россиян в период перехода от тоталитарного общества к обществу, базирующемуся на более демократических принципах. Другой пласт объяснений акцентирует внимание читателей на вызовах частного и общего характера, вытекающих из содержания материалов сборника. Первые акцентируют необходимость продолжения историко-биографических поисков, фокусированных именно на прочтении, раскрытии, раскодировании «феномена Левады», вторые указывают на важность рассмотрения творческой биографии Левады как представителя первого поколения советских/российских социологов. Эту когорту легко обозначить: имена практически всех их названы в сборнике, и значительная часть из них является соавторами книги. В целом масштаб исследовательской деятельности Левады и его роль в обществе и в профессиональном сообществе дают будущим историкам российской социологии широкое поле деятельности как собственно биографической направленности, так и в плане общих проблем социологии, включая вопросы соотношения науки и морали, общественного и личного.

Еще в 2007 г. я опубликовал статью (с некоторыми сокращениями она вошла в рассматриваемый сборник), в которой для характеристики отношения Левады к своему делу и к себе я обратился к рассказу-притче Хемингуэя о старике и море¹⁵. Приведу здесь этот фрагмент не только потому, что и сейчас считаю обоснованной эту метафору, но и потому, что Тамара Васильевна, завершая рассказ о муже, пишет: «Сам Старик в эти годы преодолел почти 20-летнюю полосу отчуждения от своего дела» и «Но Старик оставался все тем же удивительным человеком»¹⁶. Да и вообще в обиходном лексиконе Левады всегда сохранялось шестидесятничское «Старик».

Любая притча с вечными героями: море и человек — имеет множество смыслов, интерпретаций. Я вижу в ней и рассказ о жизни Левады. Старик — это он. Море — это то бесконечно широкое семантическое пространство, в котором Левада рассматривал, анализировал стоявшие перед ним исследовательские проблемы.

Такова же и судьба Левады. Он всегда задумывался о крупных теоретических и нравственных проблемах и отчетливо понимал, что в поисках их решений ему придется далеко уходить от берега и мелей туда, где он всегда будет один. Но Левада не чувствовал одиночества даже в долгие

годы молчания. И дело не в семинаре, собиравшемся вокруг него, дело в нем самом. Он постоянно размышлял о социальной реальности и непрерывно думал о ее конструкции. Он не прерывал своего общения с многими учеными прошлого, задумывавшимися о «природе вещей», об устройстве тех участков социального мироздания, которые интересовали его. Для него было естественно начать разговор о социологическом анализе советского человека с упоминания о человеке Эллады и Рима.

На прощании с Левадой профессор В.А. Ядов сказал: «Юрий Александрович Левада никогда не был в отпуске, никогда не отдыхал. Я ему звоню: «Ты поедешь куда-нибудь отдохнуть?» Он отвечает: «Нет». Теперь, Юра, ты отдохнешь. Ты никому ничего не остался должен»¹⁷. Левада всегда стремился работать, он не мог лишиться себя радости каждодневного познания нового, его погоня за «рыбой» не прекращалась.

Старик, измотанный борьбой с морским гигантом и потом — со стайей акул, говорил себе: «Рыба... я с тобой не расстанусь, пока не умру». Он не смог довести выловленную рыбину до берега, но высшая правда была на его стороне: «Кто же тебя победил, старик? — спросил он себя... — Никто, — ответил он. — Просто я слишком далеко ушел в море».

¹ См.: Цикл «Взрослые люди». <<http://www.polit.ru/story/vzr.html>>

² См.: Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде / Сост. Т.В. Левада. М., 2010.

³ См.: Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г.С. Батыгин; Ред.-сост. С.Ф. Ярмолюк. СПб., 1999.

⁴ См.: Международная биографическая инициатива. <<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>>

⁵ См.: Соколов Э. В. В мире и наедине с собой. <http://zhurnal.lib.ru/s/sokolow_e_w/memory.shtml>

⁶ См.: Готлиб А. Качественное социологическое исследование. Познавательные и экзистенциальные горизонты. Самара, 2004.

⁷ См.: Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы. СПб., 2008.

⁸ См.: Шляпентох В. Страх и дружба в нашем тоталитарном прошлом. СПб., 2003.

⁹ Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде. С. 55.

¹⁰ Там же. С. 56.

¹¹ Там же. С. 227.

¹² Там же. С. 56.

¹³ Там же. С. 58.

¹⁴ Там же. С. 253.

¹⁵ См.: Докторов Б. Жизнь в поисках «настоящей правды». Заметки к биографии Ю.А. Левады // Соц. реальность. 2007. № 6. С. 67–82.

¹⁶ Воспоминания и дискуссии о Юрии Александровиче Леваде. С. 73.

¹⁷ Демина Н. Прощание с Левадой. 20 ноября, 2006. <<http://nataly-emina.livejournal.com/100213.html#cutid1>>